

СОЧИНЕНІЯ
Н. В. УСПЕНСКАГО.

* & ДВ

Успенскаго

СОЧИНЕНІЯ
Н. В. УСПЕНСКАГО.

**ПОВѢСТИ,
РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.**

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

МОСКВА.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. И. ПРЪСНОВА.
1876.

41 афганск

СОЧИНЕНИЯ

6889

Н. В. УСПЕНСКАГО.

ПОВѢСТИ,
РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Старуха. — Уминъ. — Крестины. — Поросянокъ. — Хорошее житье. — Сцены изъ сельскаго праздника. — Грушка. — Знй. — Ночь подъ свѣтлымъ днемъ. — Сельская аптека. — Пропажа. — Вобыль. — Обѣдъ у прикащика. — Дорожные сцены. — Деревенская газета. — Вечеръ. — Обовъ. — Брусилонъ. — Лѣтний день. — Зимний вечеръ. — На-пути. — Проѣзжій. — Изъ дневника незнакомца. — Студентъ. — Странницы. — Работница. — Изъ дневныхъ записокъ. — Коздунъ. — Работникъ. — Лошадь — Декаловъ — Сама.

МОСКВА.

Типографія Т. Ризъ, у Яузской ч., д. Медынцевой.

1876.

BD

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
759950 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

NOV 1935
LIBRARY
YALE

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

„Различіе двухъ литературныхъ эпохъ нигдѣ, можетъ быть, такъ ясно не выражается какъ въ „Запискахъ охотника“ — Тургенева и рассказахъ г. Успенскаго — книжкахъ, занимающихся почти однимъ и тѣмъ же предметомъ, жизнью простаго народа. Литературная эпоха (въ концѣ 40-хъ годовъ), въ которую явились „Записки охотника“ отличается утонченною вѣжливостью писателей къ народу. Литература становилась адвокатомъ народа. Черезъ 10 лѣтъ съ небольшимъ намъ понадобилась уже *юлая правда* насчетъ простаго народа — ни болѣе не менѣе. Г. Успенскій поставилъ себѣ задачей — изображеніе жизни не въ подобранныя, такъ сказать, ея минуты, не въ чертахъ, глубоко скрытыхъ на днѣ ея, а какъ она мечется въ глаза сама собою. Никто лучше его не былъ приготовленъ къ этой задачѣ: его замѣчательная способность схватывать налету каждое явленіе, со всѣми мельчайшими подробностями, его спокойный юморъ и откровенная веселость, безъ напряженій и усилій подержать ее, тотчасъ же отличили выгоднымъ образомъ его рассказы отъ другихъ произведеній въ этомъ родѣ. Кто не помнитъ и кто не смѣялся надъ картиной ожиданія свѣтлаго дня, ночью, на селѣ, у священника, надъ расчетами обо-

JAN 18 1935

Валент

VI

зничихъ съ содержателемъ постоялаго двора, который до-
велъ ихъ непривычнымъ чифиремъ почти до умопомѣша-
тельства; надъ паническимъ ужасомъ, обаявшимъ цѣлый
ямы и всѣхъ пробѣзжихъ по милости одного буяна, который
умѣетъ владѣть голосомъ и кулаками, и т. д. Не всѣ анек-
доты г. Успенскаго, однако же, смѣшны по содержанию;
есть и такіе, которые, не переставая быть смѣшными,
разоблачаютъ глубокое страданіе или ужающую испорчен-
ность. Смѣхъ умѣетъ вездѣ пристроиться у г. Успенскаго.
Какъ ни мраченъ въ сущности портретъ бѣднаго дьячка,
празднующаго крестины (см. разсказъ „Крестины“), ко-
мическій оттѣнокъ лежитъ на немъ въ той же мѣрѣ, какъ
и на равнодушныхъ свидѣтеляхъ его безпомощнаго состоянія;
какъ ни возмутительно зрѣлище разврата, притѣсненія и
дикой жестокости, распространяемыхъ кругомъ мірской крес-
тьянской сходимъ въ сообществѣ съ кабакомъ и цѣловаль-
никомъ (см. разсказъ „Хорошее житье“), комическій элементъ
облекаетъ въ одинаковой степени орудія тиранній и ихъ
жертвы, не дѣлаясь ни гуще, ни слабѣе. Все это уравниеніе
людей, нивелировка ихъ производится не въ силу какой
либо злобной, мизантропической теоріи, а наоборотъ, въ
честь веселаго божества — смѣха.

„Въ такомъ видѣ явились упрощенныя отношенія къ на-
роду и, такъ называемая, голая правда на его счетъ. Въ
разсказахъ г. Успенскаго — отсутствіе того мистическаго
существа, которое являлось у прежнихъ писателей подъ
именемъ народа. По временамъ, отъ существа этого писатели
отдѣляли живые и серьезные образы, не вполнѣ высказавшіе
себя, но исполненные глубокихъ намековъ на жизнь и от-
рывавшіе существованіе какого-то оригинальнаго ученія о
человѣкѣ, что все раздражало любопытство читателя и мѣшало
составленію рѣшительнаго приговора надъ народомъ. Въ
разсказахъ г. Успенскаго это таинственное существо упраз-
днено. Народъ сдѣлался яснѣе и понятнѣе, и сужденіе о

VII

немъ значительно облегчилось. Въ его изображеніи народа нѣтъ ничего подложнаго. Мы готовы слѣдовать за нимъ куда угодно, и нисколько ни прочь отъ явленій простонароднаго русскаго міра, взятыхъ по мелочи, особенно если передаются они съ такой неисчерпаемой веселостію, какъ у нашего автора. Литература должна была, рано или поздно, приняться за свободную разработку простаго человѣка въ его бѣдной самостоятельности. Безъ этого мы бы не имѣли разносторонняго изученія народной жизни и ея возможно полной картины. Г. Успенскій всегда будетъ заслуживать нашу благодарность за употребленіе своего увлекательнаго юмористическаго таланта на воссозданіе будничной, ежедневной стороны народа, со всѣми ея странностями и комическими элементами. Въ нашей литературѣ онъ занимаетъ почти такое же мѣсто, какое въ исторіи живописи занимаютъ Теньеръ, Остадъ и др. имъ подобныя мастера, а это весьма почетное мѣсто". (П. В. Анненковъ С. П. Б. вѣдом. № 11, 1863 г.)

„Чѣмъ Г. Успенскій привлекъ вниманіе публики, за что онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ ея? Намъ кажется, что причиною тутъ не одна безспорная талантливость: мало ли есть произведеній, написанныхъ съ талантомъ и все таки не возбуждающихъ ни малѣйшаго участія къ себѣ? Есть у г. Успенскаго другое качество, очень сильно правящееся лучшей части публики. Онъ пишетъ о народѣ правду безъ всякихъ прикрасъ.

„Давнымъ давно критика стала замѣчать, что въ повѣстяхъ и очеркахъ изъ народнаго быта и характеры, и обычаи, и понятія сильно идеализируются. Предшественники г. Успенскаго изображали намъ простолюдиновъ такими благородными, возвышенными, добродѣтельными, кроткими и умными, терпѣливыми и энергическими, что оставалось только умиляться надъ описаніями ихъ интересныхъ достоинствъ и проливать нѣжныя слезы о непріятностяхъ, которымъ подвергались иногда такіа милыя существа, и подвергались всегда безъ

VIII

всякой вины или даже причинъ въ самихъ себѣ. Ни одного слова жестокаго или порицающаго народъ. Всѣ недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Народъ являлся предъ нами въ видѣ Акакія Акакіевича, о которомъ можно только сожалѣть, который можетъ получать себѣ пользу только отъ нашего состраданія. Таково было отношеніе прежнихъ нашихъ писателей къ народу. Читайте повѣсти изъ народнаго быта г. Григоровича и г. Тургенева со всѣми ихъ подражателями—все это насъ вонъ пропитано запахомъ „шинели“ Акакія Акакіевича. Прекрасно и благородно, — въ особенности благородно до чрезвычайности. Только какая же польза изъ этого — народу? Теперь настало другое время. Намъ кажется, если бы г. Успенскій написалъ только одинъ свой рассказъ „Обозъ“, мы и тогда должны были бы называть его человѣкомъ, которому удалось такъ глубоко заглянуть въ народную жизнь и такъ ярко выставить предъ нами коренную причину ея тяжелаго хода, какъ никому изъ другихъ беллетристовъ. Рутинна господствуетъ надъ обыкновеннымъ ходомъ жизни дюжинныхъ людей и въ простомъ народѣ, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ; и въ простомъ народѣ рутинна точно такъ же тупа, пошла, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Заслуга г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ отважился безъ всякихъ утаекъ и прикрасъ изобразить рутинныя мысли и поступки, чувства и обычаи простолюдиновъ. Картина выходитъ все не привлекательная. Но не спѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа. Только вы не забудьте, что мы видимъ въ русскомъ мужикѣ не особенное существо, у котораго „внутри нѣтъ ничего одинаковаго“ (см. рассказъ „Сельскій праздникъ“) съ другими людьми, а видимъ въ немъ просто человѣка, и если находимъ какое нибудь качество въ дюжинныхъ людяхъ русскаго мужицкаго сословія, изображаемыхъ г. Успенскимъ, то въ этомъ же самомъ ка-

чествѣ мы готовы уличить и огромное большинство людей всякаго сословія. Г. Успенскій выставилъ намъ русскаго простолюдина простофилю. Обидно, очень обидно это краснорѣчивымъ нанегиристамъ русскаго ума, глубокаго и быстрого народнаго смысла. Обидно оно, это такъ, а все таки объясняетъ намъ ходъ народной жизни и, къ величайшей нашей досадѣ, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить эту жизнь, кромѣ тупой нескладицы въ народныхъ мысляхъ. Мы замѣчали, что рѣзко говорить о недостаткахъ извѣстнаго чловѣка или класса, находящагося въ дурномъ положеніи, можно только тогда, когда дурное положеніе представляется продолжающимся только по его собственной винѣ и для своего улучшенія нуждается только въ собственномъ желаніи измѣнить свою судьбу. Въ этомъ смыслѣ надобно назвать очень отраднымъ явленіемъ рассказы г. Успенскаго, въ содержаніи которыхъ нѣтъ ничего отраднаго. Особенность таланта г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ безъ церемоніи о людяхъ, которыхъ онъ самъ считаетъ и читатель его долженъ считать за людей, одинаковыхъ съ собою, за людей, о которыхъ можно говорить откровенно все, что замѣчаешь о нихъ. Или мужики обязаны быть рыцарями благородства и героями честности? Помилуйте, не такіе же ли они люди, какъ и мы съ вами? Чловѣкъ всякаго званія ни больше, ни меньше, какъ чловѣкъ. Вотъ вамъ жизнь уже и приготовила рѣшеніе задачи, которая такъ обезкураживаетъ словянофиловъ и другихъ идеалистовъ, толкующихъ о надобности намъ дѣлать какіе то фантастическіе фокусь-покусы для сближенія съ народомъ. Это дѣло совершенно легкое для того, кто въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ, любить не на словахъ, а въ душѣ“.

(1861 г. *Совр.* № 11.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

	Стр.
Старуха	1
Ужинъ	31
Крестины	34
Поросенокъ	50
Хорошее житье	64
На постояломъ дворѣ	84
Сцены изъ сельскаго праздника	89
Грушка	105
Змѣй	121
Ночь подъ свѣтлый день	152
Сельская аптека	161
Проважа	171
Бобыль	183
Обѣдъ у прикащика	186
Дорожныя сцены	192
Деревенская газета	203
Вечеръ	240
Обозъ	249
Брусилловъ	260
Лѣтній день	273
Зимній вечеръ	279
На пути	284

XI

Провзжій	293
Изъ дневника неизвестнаго	299
Студентъ	309
Странницы	317
Работница	353
Изъ дневныхъ записокъ	359
Колдунья	363
Работникъ	371
Лошадь	376
Декаловъ	385
Саша	417

ТОМЪ ВТОРОЙ

	Стр.
Катерина	1
Сельскій портной	5
Бурсацкіе нравы	42
Петръ Яковлевъ	57
Федоръ Петровичъ	62
Кондратій Ивановичъ	112
Уѣздные нравы	115
Мимомоздомъ	131
Псарня	185
Охота на зайцевъ	142
Пчелобиты	151
Свадьба регента	156
Юрская формация	160
Похороны	186
Деревенскія картины	192
Записки сельскаго хозяина	197
Издалека и Близы	225
Производительныя силы	340
Сельскій учитель	370
Иванъ великій	380
Деревенскій театръ	390
Княжеская собака	404
Заочный женихъ	415
Слѣдствіе	426
Такъ на роду написано	437
Междворовъ	445
На дачѣ	461

XII

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Старое по старому	1
Егорка-пастухъ	67
Тестъ и зять	142
Семьянинъ	148
Въ Земской Управѣ	154
Литературный омутъ	160
Капитонъ Игнатычъ	186
Хоръ пѣвчихъ	207
Метаморфозы	215
Великое переселеніе народовъ	221
Въ возкѣ	226
Поездка на Кавказъ	232
Родственное свиданіе	248
Былое	252
Святки	265
Нищій мальчикъ	277
Отгнивающий типъ	283
Заграничныя письма	286
Привалъ	302
На пасекѣ	311

СТАРУХА.

Былъ сентябрь въ исходѣ; вечерѣло; шелъ дождикъ. Въ срединѣ села Горемыкина, передъ грязнымъ мостикомъ съ изломанными перилами, по ступицу въ грязи стоялъ длинный обозъ съ рогожами. Отъ усталыхъ лошадей валилъ паръ; нѣкоторыя изъ нихъ встряхивались, громыхая уздами и бляхами на шлеяхъ; инныя вытягивались, перекашивали свои челюсти и заносили морду вверхъ, чтобы вытянуть изъ передняго вѣса торчавшій клочъ сѣна; а инныя уныло посматривали на постоянные дворы, отъ которыхъ неслись хриплые голоса дворниковъ, сидѣвшихъ на крылечкахъ въ нагольных тулупахъ: — «ночевать пора, ночевать!»

Извозчики, стоявшіе по бокамъ обоза, молчали. Изъ дворниковъ никто не двигался съ мѣста и не рѣшался подойти къ нимъ, понимая всю важность пропасти, утвердившейся на улицѣ. Наконецъ, спустя немного времени, одинъ изъ нихъ съ рыженькой бородой соскочилъ съ своего крыльца и, хлякая ногами, подбѣжалъ къ извозникамъ.

— Что же?... Пожалуйте, заговорилъ онъ: — просимъ милости; дворъ просторный, чистый, никого нѣтъ... изба теплая — съ трубой.

И дворникъ показалъ на трубу.

— Овесъ по-чемъ? спросилъ одинъ извозчикъ.

— Лишняго не возьмемъ, произнесъ дворникъ.— Поворачивайте.

— Да что поворачивать... ты скажи, овесъ-то почему?

— Экой чудаекъ! думаетъ, что его тутъ облупить. Ну, обыкновенно, семь гривенъ; поѣзжай куда хошь — вездѣ равно.

— Нѣтъ, не равно: въ Яшкахъ, не бойсь, мы платили по шести.

— То въ Яшкахъ, а то здѣсь, продолжалъ дворникъ:— разя мы цѣны строимъ? чай Богъ. Трогайте, ребята... любо будетъ.

— Да Яшки-то отсюда всего десять верстъ; въ Камчаткѣ онѣ, что-ли?

— Ну будетъ толковать: шесть гривенъ и я возьму; да ужъ овесъ какой, парень! истованное золото. — Задвигайте.

— Задвигать-то задвигать, произнесъ другой извозчикъ, снимая шляпу и почесывая виски:— да раненько.

— Какой раненько? ночь на дворѣ. Нешто дальше поѣдете?

— Неужли-жь тутъ останемся? десять верстъ отѣхали да и ночевать? подхватилъ третій извозчикъ.

— Въ гибель такую... покачивая головою, говорилъ дворникъ: — разя не видешь, что это такое? каторга... давеча одинъ купецъ бился, бился, — такъ и остался у меня ночевать.

— Ты намъ не указывай, мы знаемъ безъ тебя...

— Какъ знаете... А куда, примѣрно, трафите?

— Въ Калугу.

— Подряду везете?

— Подряду.

— А то задвигайте, ребята: ночью прихватите, не совсѣмъ ладно; грязь, слякоть... упаси Господи.

— Эй, Петруха, трогай! раздался голосъ сзади обоза.

— Пехра, пропади вы совсѣмъ, забормоталъ дворникъ, направляясь къ двору. — Только знаетъ, какъ бы погодить, набить цѣну. Поѣзжай! Авось держать не стану... калынется, какъ ахремовскій мужланъ.

Обозъ тронулся. Дворникъ, взошедши на свое крыльцо, увѣшанное лаптами, котелками и большими кусками сырой баранины, принялся обчищать лучинкой сапоги. На лавочкѣ, облокотясь на рѣзные перила крыльца, сидѣлъ купецъ въ калмыцкомъ тулупѣ, покрытомъ синимъ сукномъ, и курилъ сигару.

— Грязненько, сказалъ купецъ, глядя на сапоги дворника.

— Есть... помолчавши, произнесъ послѣдній. — Народецъ, пропасти на васъ нѣтъ... выбѣжишь—думаешь: будетъ прокъ; а онъ почешетъ съ тобой зубы и завернетъ рыло на сторону.

— Русскій мужикъ любитъ покаланиваться, проговорилъ купецъ и отплюнулъ въ сторону.

— Еще какъ любитъ-то: иную пору ломается, ломается, изъ себя выйдешь. — «Оаддей Семенычъ! хоть трыночку сбавь, хоть грошикъ...» А не знаетъ, что тутъ грошика если не возьмешь, — разоришься, кругомъ разоришься; а для меня таперича онъ копѣйку, другой копѣйку... говорится пословица: «съ міру по ниткѣ...» Эко грязь, прятка тебя возьми... никакъ не отскоблишь.

— Это справедливо, сказалъ купецъ, закинувъ одну ногу на другую. — Вотъ теперь, куда не поверни, нашъ братъ то же самое...

— То-то и есть, приподнявшись, заговорилъ дворникъ: — эхти-хти... вѣкъ жить — не орѣхъ грызть... что это зачерствѣлъ какъ ситникъ-отъ? надо отдать его